Лисочка С

Легенды Ицкарона. Башня Повелителя Зверей

ЛитВек

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История, произошедшая в дни молодости сэра Джая эр Нурани.

- С. Лисочка
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

С. Лисочка
БАШНЯ ПОВЕЛИТЕЛЯ ЗВЕРЕЙ

Труд гениев, даже ложно направленный, почти всегда в конечном итоге служит на благо человечества.

Мэри Шелли, «Франкенштейн, или Современный Прометей»

I

Грибные светильники мягко освещали лабораторию — просторное помещение без окон, разделенное надвое ширмой-перегородкой. За этой ширмой стояли в ряд пять больших алхимических инкубаторов, заполненных мутной жидкостью, в которой плавали существа, вида весьма необычного, не сказать страшного. Химеры.

Первая вполне напоминала человека, но человека с четырьмя суставчатыми ногами, скорпионьим хвостом и рогами на голове. Вторая химера больше походила на летучую мышь с человеческой головой на короткой массивной шее и шестью длинными гибкими щупальцами, растущими чуть пониже рук-крыльев. Третья химера была похожа на крылатого чешуйчатого волка, четвертая представляла собой странную помесь крокодила и льва, пятую вполне можно было принять за гусеницу-переростка у которой отчего-то выросли две дополнительные головы с узкими зубастыми пастями.

Эти химеры еще не были полностью завершены. Хотя их тела почти окончательно сформировались, разуму еще только предстояло развиться. Впрочем, истинно разумными они не станут никогда — их создателю нужны были бездумные исполнители его воли, не более того. Верные слуги, для которых будет иметь значение одно — приказ их повелителя. Ну а пока они мирно плавали в амниотической жидкости, дожидаясь того часа, когда их сочтут готовыми и выпустят из стеклянного плена.

Однако у алхимика — создателя этих химер, который был сейчас занят расчетами в другой части комнаты-лаборатории, — был и другой, куда более важный проект, предполагавший создание по-настоящему разумной химеры. Иначе нельзя — цель, для которой она задумывалась, требовала творческого подхода, свойственного только разумным существам. Так что разум этой химере очень даже понадобится. Как и устойчивость к магии. Как и способность манипулировать собственным фенотипом.

Ах, как поджимает время! Нужно торопиться — химера растет и развивается. Если не успеть вовремя скорректировать ее развитие, можно получить совсем не тот результат, какой хотелось бы. Увы, в этом случае на скорость роста химеры можно влиять лишь отчасти — выбранное, так сказать, оборудование накладывало жесткие ограничения. Приходится торопиться, тратить ночи на расчет генетических итераторов, на составление генетических катализаторов, на анализ результатов.

— А обещал долго не засиживаться, — раздался за его спиной

женский негромкий голос.

Он резко обернулся. Ну конечно, так увлекся расчетами, что не услышал, как она вошла.

— Я же запретил тебе вставать! — он бросил быстрый взгляд на ширму — не забыл ли задвинуть ее, скрывает ли она инкубаторы и их содержимое. Ей совсем не надо видеть его работу. Конечно, ничего в этом страшного нет, но все же. Не забыл. Хорошо.

За последние недели она сильно подурнела. В общем-то, красавицей она не была никогда, но теперь располнела сильно, лицо ее обрюзгло и приобрело какой-то земляной оттенок, кожа на руках покрылась розовыми пятнами, фигура ссутулилась, а ноги из-за отеков стали напоминать подушки.

— Я проснулась, а тебя нет, — голос был полон обиды. — Мне холодно.

В одно мгновение он оказался рядом и взял ее за руку, а после, нахмурившись, коснулся губами ее лба.

— Э, да у тебя температура, — покачал он головой. — Ай, нехорошо…

Усадив ее на стул, принялся смешивать в высоком мерном стакане содержимое многочисленных бутылочек, которыми была полна лаборатория.

— На-ка, выпей, — предложенное зелье приобрело темно-синий цвет и слегка отдавало сельдереем. — Не тошнит? Нет? Хорошо, очень хорошо… Так, а теперь надо сделать инъекцию. Поработай кулачком. Так-так… на ватку, зажми. Вот и умница. Голова не кружится? Нет? Вот и хорошо, вот и ладно. А сейчас — в кровать. Тебе надо больше отдыхать…

В спальне помог ей лечь на кровать и заботливо укутал одеялом.

— Ты опять работать? — спросила она. — Неужели тебе твоя работа, важнее, чем я?

— Скажешь тоже! — фыркнул он.

— Важнее, — стала спорить она. — А меня ты разлюбил. Что тебе в твоей работе?

— Будущее, — ответил он. — А ты опять говоришь чушь. Ну как я мог тебя разлюбить? Просто мне надо закончить расчеты. А ты спи. Я скоро приду.

Снова проверил губами температуру — жар ушел.

— Запомни: у меня нет ничего дороже тебя, — шепнул он ей.

— И Мары? — спросила она сонно.

— Ну конечно! Я не расстанусь с вами за все сокровища мира!

— Мы правда важнее работы?

Ответа она не дождалась — заснула. Но он все же ответил.

— Ну конечно. Ведь вы — и есть моя работа. Кстати говоря… кажется самое время для маленькой модификации желез внутренне секреции. А как ты хотела? Ей же нужно будет контролировать выработку гормонов, иначе есть все шансы, что она попросту не выдержит первой же трансформации. А мы ведь оба этого не хотим, правда, моя дорогая?

Он закатал рукава рубашки, простер руки над спящей и принялся монотонно проговаривать слова магической формулы. Воздух между его пальцев слабо светился.

II

Джай резко подался влево, в последний момент избежав удара когтистой лапы. Тут же ударил сам, но меч, со свистом располосовав воздух, лишь срезал клок серой шерсти. Оборотень отпрянул назад, зарычав и обнажив в оскале острые желтые клыки. Джай, не давая зверю опомниться, полез в атаку и нанес три молниеносных удара. Два цели не достигли — волколак был быстр и уклонился от них, хоть и не без труда, но в третий раз острие меча задело-таки шею оборотня.

«Ну, теперь держись!»

Сама по себе рана была пустяковой — царапина, не более того. Говорить не о чем. Боль? В горячке схватки оборотень и не почувствовал ее. Но стоило в воздухе запахнуть кровью, собственной кровью оборотня, как тот пришел в совершенную ярость. Первый признак того, что Джай пришел на этот дровяной склад не просто так.

«Разумеется, я не ошибся. Если он так реагирует на запах крови, значит, он не может контролировать своего зверя».

Оборотень яростно кинулся на Джая, норовя вцепиться в горло. Этот натиск был страшен, и, несмотря на то, что рыцарь не уступал зверю ни в скорости, ни в силе, ни в ловкости, ему с трудом удалось защититься. В последний момент он успел перехватить оборотня за передние лапы, перекинуть через себя и отбросить прочь, но и сам не смог удержаться на ногах, упал и сильно ударился левым боком о земляной пол.

На ногах они оказались одновременно и одновременно бросились друг к другу. И вновь Джай оказался чуть быстрее: его меч оставил на боку зверя длинный кровавый росчерк. Волколак завизжал от боли, но эта рана не остановила его. Развернувшись на месте, он снова атаковал. Вернее сказать, попытался атаковать — рыцарь проворно отскочил в сторону, его меч ударил сверху и отрубил зверю ухо, а тяжелый сапог обрушился на ребра, едва не сломав их, и отбросил противника прочь.

Удар был столь силен, что волколак отлетел к самой стене, ударившись головой. Этот удар на мгновение оглушил его, и Джай, конечно, не преминул воспользоваться этим мгновением. Меч рыцаря рубанул по задней лапе оборотня, тот вывернулся, схватился зубами за лезвие и резко мотнув головой, вырвал оружие из руки Джая. Клинок из заговоренной стали упал на пол, волколак прыгнул, снова пытаясь вцепиться в горло обезоруженному противнику. Но и без своего широкого полуторного меча Джай не утратил боеспособности — перехватив

одной рукой волколака за загривок, второй — у крестца, рыцарь поднял зверя высоко над головой, а затем резко опустил его вниз, ломая о колено позвоночник зверя. Тот заскулил и, вывернув шею под немыслимым углом, хватанул Джая за запястье, но наруч из толстой кожи песчаного червя, армированный стальными кольцами, спас руку рыцаря, приняв на себя значительную часть ярости волколака.

Джай отбросил оборотня и проводил его добрым пинком, тот попытался подняться, но сломанный позвоночник не позволил ему это сделать. Конечно, будь у волколака время, он бы регенерировал даже такую, смертельную для обычного волка рану. Но времени у него уже не было — рыцарь вытянул из сапога длинный серебряный кинжал — верную смерть для того, кого Хозяйка Кошмаров наделила способностью жить в двух телах. Однако Джай прекрасно понимал, что это — еще не конец. Как бы серьезно не был ранен оборотень, он был еще жив, а значит — опасен. Готовясь нанести последний, смертельный удар, нуранит шагнул вперед, заходя так, чтобы волколак не мог извернуться и схватить его за ногу. Шагнул, и тут же отпрянул назад.

Откуда-то справа на него прыгнул еще один волколак, волколак, чье приближение, несмотря на свое почти звериное чутье, Джай заметил лишь в самый последний момент. Этот зверь оказался быстрее первого: едва коснувшись пола, он вновь прыгнул на Джая и, ударив передними лапами в грудь, опрокинул его на пол. В этот раз Джай ударился не только спиной, но и затылком. Оборотень оказался на рыцаре верхом и вонзил ему зубы в правое плечо. Наплечник бригантины, прослужившей верой и правдой не один год, был смят и порван, будто был сделан из оберточной бумаги. Джай почувствовал, как его плечо стало влажным и липким, затем его обожгло жарким огнем, и он едва сдержал стон. Повинуясь больше инстинкту, чем действуя разумно, рыцарь ударил зверя левой рукой по морде, ломая лобные кости и оглушая его. Обе ноги нуранита разом подтянулись к животу, а затем резко распрямились, и оборотень отлетел прочь. Джай, превозмогая боль в плече, тут же оказался на ногах и встретил волколака, ринувшегося в новую атаку острием своего кинжала.

Серебро легко вошло в шею зверя, еще момент — и второй удар пришелся бы зверю в сердце. Однако борясь с ним, Джай почти выпустил из вида первого волколака, и, как оказалось, зря. Оборотень, воспользовавшись тем, что Джай занят новым противником, смог подползти на передних лапах поближе и схватить рыцаря зубами за икру, легко прокусив ботфорт сапога. Впрочем, это было последнее, что успел сделать этот зверь в

своей жизни — стилет вошел ему в левый глаз и пронзил мозг. Не успевшие толком сомкнуться клыки, разжались, отпуская ногу рыцаря, тот высвободил свое оружие, повернулся ко второму противнику и выругался цветасто и длинно, помянув рога Малина, хвост Луни, чешую Диты, очки Библиотекаря, солнечный нимб Идры, рыжие косы Ариды, грудь Расты и такую часть тела Гламуры, какую в приличном обществе воспитанный человек ни в коем случае не станет называть.

Тело волколака, а вернее волколачки, успело измениться, теперь перед рыцарем на полу в луже собственной крови лежала голая светловолосая девочка лет тринадцати. Ее шея была распорота.

— Миневра, — выдохнул рыцарь. — Какого х…

— Только не говори, что это была самооборона, — услышал он за спиной женский голос, в котором под коркой ледяного спокойствия закипала древняя ярость.

Джай узнал этот голос, а потому повернулся очень медленно, стараясь, чтобы его обладательница хорошо видела его руки, а в особенности — кинжал в правой, на лезвии которого пузырилась и дымилась темная липкая кровь.

— А ты сама как думаешь, Арника? — спросил он без вызова, но голос его был тверд и спокоен, насколько мог быть спокоен голос у человека, который только что вышел победителем из схватки с двумя волколаками и теперь готов был вступить в схватку с противником куда более серьезным.

III

— Итак, мы слушаем, — сказала Низа Клейн, старшая жрица Расты. — Кто будет говорить первым?

— Я, — ответила Лара Уиллис, старшая[1] жрица Луни, — Лунный храм обвиняет сэра Джая эр Нурани, жреца Храма Героев, здесь присутствующего, в преднамеренном убийстве оборотня-волколака Крома Вульферсона и в покушении на убийство младшей жрицы Лунного храма Миневры Шерстошейки.

— Что скажет сэр Джай? — поинтересовалась Низа Клейн.

Джай половину из своих тридцати лет жизни отдал служению Нурану, богу Героев, но на жреческих советах ему доводилось бывать нечасто — сэр Ланс, оруженосец[2] Нурана, оберегал любимого ученика от «этой говорильни» как мог, мужественно посещая все заседания, традиционно проходящие в Храме Плодородия.

— Да, — заговорил Джай хрипло, — я признаю. Я преднамеренно убил этого самого Вульферсона, или как там его звали, и пытался убить Миневру. Миневру — непреднамеренно.

В просторном зале совета стало так тихо, что пролети здесь комар — его услышали бы даже те, чей слух не был приспособлен для такого рода упражнений. Даже жрец Недоперепила, Петр Ович, мучившийся с похмелья, перестал икать и уставился на рыцаря Нурана мутным взглядом.

— Ну так мы слушаем твои оправдания, рыцарь, — сказал после паузы Патрик Клейн, муж Низы и старший жрец Храма Солнца. — Мы тебя внимательно слушаем.

— А я уже все сказал, — чеканя каждое слово, произнес Джай. — Не собираюсь оправдываться. Я сделал то, что сделал. То, что должно было сделать. Вульферсон был убийцей и людоедом, из его последних подвигов — двое подростков из Утицы. Я два дня его выслеживал. Выследил — убил. Что касается, Миневры, то, во-первых, я не узнал ее в звероолике, а во-вторых, она первая на меня напала.

Снова в зале повисло молчание. На этот раз его нарушил Карел Роад, жрец Храма Дорог. Его волосы и борода, когда-то огненно-рыжие, теперь были в значительной степени тронуты сединой, отчего казались выцветшими — жрец Малина уступал возрастом только Арнике и сэру Лансу и давно уже перешагнул вековой барьер, но что касается остроты и изворотливости ума — то тут он готов был дать фору любому из собравшихся.

— Скажи, сэр Джай, а у тебя есть какие-то доказательства того, что убийца из Утицы — именно Вульферсон?

— А и не надо никаких доказательств, — убежденно произнес Джай. — Я шел по его следу от растерзанных тел, и след этот привел к нему. У меня нет никаких сомнений…

— Не продолжай, — поднял руку Карел Роад. — Мы уже поняли, что доказательств его вины у тебя нет никаких.

Арника, старшая жрица Луни, молча сидящая на своем месте, бросила быстрый взгляд на Карела и чуть заметно кивнула.

— Я даже больше скажу: у сэра Джая нет никаких доказательств и того, что убийство в Утице совершил именно оборотень, — заговорила она. — Да, я слышала, что тела были растерзаны и объедены, но это еще ничего не значит. Это мог быть какой-нибудь зверь или какое-нибудь дикое чудище или даже человек, который хотел, чтобы подумали на оборотня. Что касается сэра Джая, то я давно за ним наблюдаю, и хочу сказать: он предвзят по отношению к оборотням. И к вампирам тоже, к слову сказать. Да-да, не надо на меня так смотреть. Вы знаете, что он только за последние десять лет истребил четырнадцать оборотней и шесть вампиров?

— Причем оснований у него было не больше, чем в этот раз, — поддержала старшую товарку Лара Уиллис. — Это возмутительно! Можно подумать, что оборотни только и делают, что убивают и жрут людей!

— Что я слышу? — возмутился сэр Ланс эр Нурани. — Моего ученика обвиняют в том, что он слишком хорошо делает свою работу? Да вы с ума сошли, что ли? Или для вас секрет, что оборотни — хищники по своей природе, а вампиры пьют кровь? Или своими обвинениями вы хотите отвлечь совет от собственного халатного отношения к этому вопросу? От того, что вы совершено не следите за своими оборотнями, и они творят, что им на ум взбредет или что там у них вместо ума? Неужели вы думаете, мы не знаем, что Арника только и делает, что спит головой книзу, Лара только и грезит о своей археологии, а что касается вашей третьей, то она попросту сопливая девчонка? Плюнули на свою паству, а когда они начинают звереть, и после получают свое, обвиняете нас в том, что мы не даем им разгуляться?

Арника осталась совершенно спокойной, а вот Лара Уиллис явно собиралась ответить старому рыцарю, но ее опередил жрец Малина.

— Полегче, сэр Ланс, — сказал он. — Не думаю, что нам всем стоит обвинять друг друга в том, что мы плохо выполняем, как вы выразились, свою работу. Мы собрались здесь совершенно не для того, чтобы заниматься этим. Низа собрала нас для того, чтобы мы рассмотрели конкретный случай по конкретной жалобе,

опираясь на конкретные факты. А они таковы…

— А они таковы, что Вульферсон действительно был убийцей, — перебил Карела жрец Идры. — Я попросил Генриха осмотреть тело как следует и доложить нам о результатах. Генрих, будь добр расскажи нам, что ты обнаружил.

Генрих эр Ариди, старший жрец Храма Войны перестал перемигиваться с Анной Кусто, старшей жрицей Гламуры, кашлянул в кулак, поднялся со своего места и сказал:

— Я обнаружил под когтями Вульферсона кровь. Засохшую кровь.

— Какая невидаль, — не сдержалась Арника. — А что вы там думали обнаружить? Морковный сок?

— Человеческую кровь, — продолжил эр Ариди, проигнорировав замечание жрицы. — Конечно, я отдал образцы в Главную алхимическую лабораторию. Их вердикт таков: это кровь шести различных людей, в том числе — тех двоих из Утицы. Сударь Роад, вы хотели факты? Получите и распишитесь. Думаю, даже вы не сможете извернуть их так, чтобы выставить Вульферсона невинной жертвой.

Карел Роад чуть улыбнулся и покачал головой, будто бы говоря «плохо ж вы меня знаете», но спорить не стал.

— Кроме того, по поручению Патрика я посетил Миневру в клинике. Рана, полученная ею, весьма тяжела, но доктор Ицк полон оптимизма на счет здоровья девочки и позволили мне переговорить с ней. Она не отрицает, что первая напала на сэра Джая, желая защитить Вульферсона.

— А чего это ты вдруг стал поручения жрецам раздавать? — прищурившись, поинтересовалась Низа Клейн у мужа.

Под ее взглядом Патрик сначала покраснел, а затем побледнел.

— Сестрица, ну что ты снова начинаешь? — заступилась за него Кира Ульрих, старшая жрица Храма Моря, которая действительно приходилась Низе родной сестрой. — Генрих попросту неправильно выразился. Он хотел сказать, не «по поручению», а «по просьбе». Ведь так, Генрих?

— Да-да, — закивал эр Ариди поспешно. — Вы же знаете: я человек военный, и слабо разбираюсь во всех этих тонкостях. У нас, в армии, нет просьб — только приказы…

— Благодарю, сестрица, без тебя бы я никак не разобралась, — сказала Низа с подчеркнутой сердечностью, — а ты, сэр Генрих, будь добр, не забывай в следующий раз, что ты не в армии. Сэр Ланс, вы что-то хотели сказать?

— Я хотел спросить: а как вообще Миневра оказалась в том дровяном сарае?

Лара и Арника переглянулись и одинаково поджали губы.

— О, я задавал ей и этот вопрос, — ответил Генрих. — Она по поручению Арники несла Вульферсону зелье Лунного Покоя.

— Ах, вот как? — усмехнулся Джай. — То есть получается, в Лунном храме прекрасно знали, что Вульферсон — убийца, и пытались решить проблему по-своему.

— Во всяком случае, никто не может нас обвинить в том, что мы пустили ситуацию на самотек, — сказала Арника.

— Мы имеем на это право! — заявила Лара. — Каждый оборотень может просить защиты у Повелительницы Чудовищ. Зелье, не опоздай с ним Миневра, успокоило бы беднягу Крома и сделало бы его неопасным. Он никогда ни на кого не напал бы вновь!

— Ну конечно, — с ядовитой иронией в голосе произнес Джай. — Зелье моментально превратило бы волка в ягненка. Вернуло бы обществу полноценного члена, жертву обстоятельств. Чего ж еще желать?

— Мне не понятна ваша ирония, сэр, — сказала Лара. — Знаете, что случилось с Кромом? На него напали, когда он шел ночью домой. Какие-то разбойники. Хотели убить и ограбить. Конечно, он защищался и перестарался. Убил грабителя. Любой суд оправдал бы его. А дальше — да, от запаха человеческой крови он потерял над собой контроль и взбесился. Увы, такова природа оборотней, они очень эмоциональны, и с ними может случиться такая беда. Такое может произойти с каждым из них, но разве они виноваты в этом? Зелье Лунного Покоя как раз и предназначено для подобных случаев. Крома еще можно было спасти, и если бы не вы…

— А остальных его жертв — их ему тоже надо было простить? — вспылил рыцарь. — Вы же слышали: он убил по крайней мере шесть человек. Не одного! Шесть! А может быть и больше — кто знает? Дикий зверь, хищник, людоед, детоубийца выпил бы ваше зелье и сразу бы стал невинней младенца?

— А смерть Крома вернула к жизни его жертв? — поинтересовалась Арника. — Месть — как это по-человечески!

— Будто бы в том, что мы люди, есть что-то плохое, — сказал сэр Ланс. — Вся проблема в том, что…

— А как по мне, так вся проблема в том, что рыцари Храма Героев не утруждают себя сбором доказательств виновности, перед тем как отправится на охоту, — заметил Карел Роад. Арника и Лара синхронно закивали. — И не желают учитывать всех обстоятельств дела. Всякое может быть. Человеческая жизнь священна, кто спорит, но и оборотни — тоже люди. В широком смысле этого слова, разумеется. Любой убийца имеет право, по

крайней мере, на справедливый и беспристрастный суд. А так, как вы работаете — недалеко и до ошибки. Не перебивайте меня, сэр Ланс, я не закончил. Допустим, был бы только один инцидент, была бы только одна жертва — тот грабитель. Ведь легко представить ситуацию, что вы или ваш ученик, обнаружив на улице растерзанное человеческое тело, пошли бы по следу и, догнав оборотня, убили бы его. Верно? Верно. А потом, узнав все обстоятельства дела, все то, что нам рассказала Лара, разве вы бы сами не жалели о том, что сделали?

— Как легко вы делаете допущения, — невесело усмехнулся сэр Ланс.

— А почему нельзя было просто изловить того волколака и передать его в Лунный храм, чтобы ему дали зелье? — подала голос жрица Гламуры. — Отчего обязательно было его убивать? Никогда не поверю, что такой сильный мужчина, как сэр Джай не смог бы стреножить какого-то оборотня. Смогли бы, доблестный сэр?

От такой постановки вопроса нуранит несколько опешил.

— Да чего ради я должен был его стреножить и тащить в Лунный храм? — спросил он.

— Ну не знаю, — дернула оголенным плечом Анна Кусто, — из человеколюбия?

— Из милосердия, — сказала Низа Клейн. — Кажется, когда послушника-нуранита принимают в рыцари, он дает клятву служить людям, защищать их, быть храбрым, самоотверженным и милосердным, или я не права? Мне кажется, рыцарь Нурана должен быть первую очередь именно милосердным, а все остальное — уже вторично.

— Сударыня, о каком милосердии вы изволите говорить? — спросил Джай. — К кому? К убийцам? К чудовищам?

— Конечно, — ответила Низа. — Именно к чудовищам. Чтобы проявить милосердие к человеку, который случайно оступился — много ли надо? А вот проявить милосердие к человеку, который стал чудовищем, — сможет далеко не каждый. Подумайте об этом, доблестный сэр. Хорошенько подумайте. Иначе, истребляя чудовищ, вы в один прекрасный день сами станете сродни им.

Слова жрицы Расты явно смутили Джая, чтобы скрыть смущение он принялся разглаживать свои усы и коротко остриженную бороду, в которой, несмотря на молодость рыцаря, уже было полным-полно седых волос. Впрочем, цвет волос Джая от природы был пепельным, так что эта седина на общем фоне в глаза не бросалась.

— Браво, сестрица! — воскликнула Кира Ульрих. — В этот раз ты попала в точку! Браво!

— Мне кажется, было бы лучше, если бы в ситуациях, подобных этой, жрецы Храма Героев и Лунного храма полюбовно делились бы информацией и вместе работали над проблемой, — сказала Анна Кусто, вытаскивая из своей сумочки маленькое зеркальце и пудреницу.

— Ну уж нет, — фыркнул сэр Ланс. — Еще я с вампиркой не советовался!

— Мы же говорили, что рыцари Нурана предвзяты, — обнажила в улыбке свои клыки Арника.

— Это не значит, что мы неправы! — рубанул ладонью воздух Джай, который, кажется, успел справиться со своим смущением.

Низа Клейн вздохнула и покачала головой.

— Да вы всегда правы, — усмехнулась Лара Уиллис. — Вы — сама непогрешимость…

— А вы…

В зале совета закипал традиционный скандал.

IV

Он видел к чему идет дело, готовился к этому, отчасти даже предвкушал. Предвкушал и, конечно, боялся. Впрочем, когда наступил критический момент, он встретил его удивительно спокойно.

С утра ее рвало зеленой слизью, температура то поднималась до сорока градусов, то падала до тридцати шести. В последнее время ее мучил почти постоянный голод — даже по ночам она просыпалась, чтобы перекусить, но в этот день у нее начисто пропал аппетит. Болел живот, кровь шла носом. А еще она не переставая плакала, жаловалась на боль в суставах и изводила его разговорами о том, насколько она подурнела. Однако он все-таки не спешил с принятием окончательного решения — ошибка слишком дорого обошлась бы, а чего он не хотел — так это начинать все с начала. Но анализ крови, который он сам сделал, убедил его, что медлить больше нельзя — уровень гемоглобина упал почти до критической отметки, то же произошло и с сахаром, зато уровень лейкоцитов зашкаливал — все говорило о том, что наступает кризис, и счет идет на часы, если уже не на минуты.

Он отвел ее к себе в лабораторию, уложил на операционный стол, солгав, что хочет посмотреть на чаровизоре положение плода. Сделал ей инъекцию анестетика, объяснив, в общем-то не покривив душой, что это — обезболивающее. Подождал несколько минут, слегка удивился — от укола она должна была уснуть, но то ли состав не подействовал, то ли он дозировку рассчитал неверно. Подумав, удвоил дозу. Это привело к нужному результату — она погрузилась в глубокий сон. После этого ему оставалось только надеть ей на шею артефакт-реаниматор, который должен был гарантировать, что она не умрет во время операции и, наконец, приступить к тому, к чему так долго и тщательно готовился.

Операция была непростой, дело осложнялось еще и тем, что он, никому не доверяя, не мог воспользоваться услугами ассистента и потому вынужден был оперировать в одиночестве. Да и сама по себе процедура была технически сложна и потребовала от него полной отдачи. Работая то скальпелем, то заклинаниями, он совершенно потерял счет времени. Ему казалось, что прошло уже много часов с момента, когда он сделал первый разрез, однако, когда крышка инкубатора наконец закрылась, и он взглянул на часы, то обнаружил, что потратил на все не более трех четвертей часа.

Впрочем, расслабляться было рано. Она умирала — он ясно это видел. Затевая этот проект, он с самого начала осознавал, насколько велика вероятность, что она умрет. Разумеется, тогда его это не остановило, и не остановило бы даже в том случае, если бы шансов выжить у нее не было бы вовсе. Сейчас ее шансы упали практически до нуля, и спасти ее могло только чудо — за те пять месяцев, что прошли с начала эксперимента, ее организм серьезно поизносился. Сердце, почки и печень находились в таком состоянии, в каком их не всегда обнаружишь и у старухи, доживающей девятый десяток, легкие и желудок были почти в норме, но железы, но селезенка, но желчный пузырь, но надпочечники… И все же он попытался ее вытащить, попытался, зная наперед, что у него ничего не получится. Он боролся за ее жизнь со свойственной ему добросовестностью, до самого последнего момента не прекращая попыток, начитывая одно регенерирующее заклинание за другим, впрыскивая ей в кровь то один состав, то другой, меняя артефакты-реаниматоры. Но все было тщетно. Он совершенно выбился из сил, и когда в последнем, четвертом реаниматоре кончился заряд, ее сердце остановилось, и ни адреналин, ни зелья посерьезнее, ни электрическая стимуляция не смогли его запустить вновь.

То ли вздохнув, то ли всхлипнув, он с омерзением сорвал с себя окровавленные хирургические перчатки, несколько секунд постоял над телом и отвернулся, смахивая выступившие слезы. Да, начиная эксперимент, он отдавал себе отчет, что все может закончиться этим, и был морально готов к такому развитию событий, но все равно ощущение щемящего горя на минуту охватило его.

Однако его натура не позволяла ему долго горевать. В конце концов, она умерла не напрасно, а о многих ли можно сказать такое? Он будет помнить ее журчащий смех, ее нежные прикосновения, ее милые ямочки на щеках, ее томные взгляды, которые она бросала на него, когда позволяла себе выпить третий бокал вина, ее манеру называть его по фамилии, когда они ссорились… Это все уже было в прошлом, прошлое лежало на операционном столе, зато в инкубаторе, большом и просторном, нарочно заказанным у лучшего мастера, в амниотической жидкости, состав которой он подбирал больше месяца, плавало будущее. Его будущее. И пусть пока оно выглядит не очень привлекательно — а что привлекательного может быть в шестимесячном человеческом плоде, извлеченном из утробы матери, пусть даже и значительно измененном генетически, да и размерами почти вдвое крупнее против положенного природой, — важен не внешний вид, а сущность. Важен результат.

Что поделать, в обычном инкубаторе нельзя вырастить химеру, иммунную к магии. Любые заклинания, в том числе управляющие работой инкубатора и процессом выращивания химеры, не смогут на нее воздействовать, а без них она погибнет в первые же сутки. Без чароплетений-иттераторов не скорректировать возможные ошибки проектирования, если возникнет в том необходимость. Не если — когда. Планируя наделить химеру множеством особенных уникальных свойств, он и помыслить не мог, что сможет с первого раза построить оптимальный геном. Альтернативный метод с использованием генетических катализаторов на столь ранних сроках не подходил — слишком тонка была работа, слишком много было шансов уничтожить несформировавшийся организм из-за какого-нибудь просчета. Проблема казалась неразрешимой. Он долго, очень долго размышлял над ней и, в конце концов, нашел выход. Изящный и простой до безобразия: инкубатор должен быть живым. Во всяком случае до того момента, как химера сможет самостоятельно питаться и дышать. Тогда и только тогда станет возможно ее существование, а вносить корректировки можно, воздействуя не на саму химеру, а опосредованно, через организм инкубатора-матери.

Год ушел на поиски подходящей кандидатуры. Еще год — на ухаживания и подготовку к свадьбе. Можно было бы обойтись и без этого, но тогда ему показалось, что так проще. Сейчас, когда он смотрел на ее измученное тело, ему подумалось, что лучше было бы попросту похитить ее. Да, этот вариант был связан с большим риском, но зато ему бы не пришлось играть роль любящего мужа. Тогда бы он не привязался к ней так, не чувствовал бы себя сейчас таким опустошенным.

Покачав головой, он аккуратно снял с ее пальца обручальное кольцо, которое когда-то надел ей в ратуше под одобрительный кивок ратмана и аплодисменты приглашенных гостей. Подумав, снял и свое и убрал оба кольца в карман брюк. Бросив последний взгляд на начавшее синеть лицо, накрыл тело чистой простыней и отошел к инкубатору. Задумчиво постучал пальцем по стеклу.

— Она хотела назвать тебя Марой. Что ж… имя не хуже любого другого. Пусть так и будет, — произнес он.

Химера, разумеется, не ответила.

V

Дверь трещала под тяжелыми мерными ударами. Свен понимал — не выдержит и минуты. В детской зазвенело высаженное стекло, младшая на руках у матери тут же зашлась плачем, а старший до белых костяшек сжал в своих маленьких руках игрушечный деревянный меч. Свен бросил взгляд на свои руки, точно так же сжимавшие сейчас топор для колки дров — единственное, что в их доме можно было хоть как-то принять за оружие.

— Ничего страшного, у нас слишком узкие окна, чтобы в них можно было пролезть, — сказал он сыну шепотом. — И дверь крепкая, ее и тараном не высадишь.

В дверь долбили, очевидно, не тараном — скорее всего, вместо него использовали колоду, на которой Свен колол дрова, а зимой, перед новым годом, когда резали свиней, разделывал мясные туши. Услышав детский плач, засмеялись. Смех больше походил на кашель какой-то крупной птицы, но это был именно смех.

— Олаф, возьми сестру, — услышал он дрожащий голос жены. — Спрячьтесь под стол и не смотрите, пока все не закончится.

— Вы же их прогоните, правда? — спросил Олаф, принимая у матери двухгодовалую Александру. — Прогоните?

— Ну конечно. — Свен постарался, чтобы в его голосе звучала уверенность. Уверенность, которую он не испытывал. — Ну же, лезь под стол и постарайся успокоить Сашу. А мы с мамой…

Линда уже шагнула вперед, на ходу стаскивая с себя ночную рубашку. Тяжелая русая коса ударила ее по голой спине.

— Не смотри! Скатерть натяни! — крикнула она сыну, опускаясь на колени и упираясь ладонями в пол. — И ничего не бойся! Свен, не лезь, будь возле детей!

Он тоже отвел глаза в сторону. Оборотень, когда его корежат судороги трансформации — не самое приятное зрелище. Когда ломает и выворачивает твою собственную жену — тем более. Свен знал, что это еще и очень болезненный процесс. «Как будто судорогой все тело сводит», — призналась ему как-то Линда.

Дверь не выдержала как раз в тот момент, когда Линда закончила превращение. На появившуюся в дверном проеме темную фигуру бросилась, не тратя время на рев, стремительно и почти бесшумно. Свен нервно улыбнулся. Кто бы ни решил напасть на их хутор этой ночью, вряд ли он рассчитывал, что его

встретит медведица. Линда в этом облике только с виду была толстой, медлительной и неуклюжей, а на деле легко догоняла скаковую лошадь, была стремительна в движениях, а под бурым мехом скрывался не только жир, которого и было-то совсем немного, но и стальные мускулы. Если прибавить к этому острые зубы и длинные когти, то нападавшим оставалось только посочувствовать. Сколько бы их не было. Разве что с ними маг. Впрочем, откуда среди лесных разбойников взяться магу? Маги живут в городе, гребут грифоны лопатой, а если и выбираются в лес за травами, то исключительно днем.

Линда все же решила подать голос, и от ее рева, казалось, задрожали стены дома. Помятуя о наказе жены, Свен остался в комнате, тревожно ожидая, когда она разберется с ночными гостями. Конечно, хорош глава семьи — жена дерется, а он стоит, ждет, когда все закончится, хорошо под стол к детям не забрался. Нет, Свен трусом не был, боги свидетели, скорее даже наоборот, но, когда Линда говорит «не лезь», лучше всего ее послушать. Во-первых, можно и под горячую лапу попасть — ей сейчас там не до того, чтобы разбираться, где свои, а где чужие. Во-вторых, кому захочется увидеть свою благоверную, рвущую на части людей? Довольно того, что он слышит ее рев и глухие удары когтистой лапы, хорошо еще гости не кричат…

Ох, а ведь это не победный рык, это крик боли! От затылка по спине Свена прокатилась холодная липкая волна. Рев вдруг оборвался на полузвуке, будто Линда захлебнулась собственным криком. Он рванул на улицу, крепко сжимая топорище. Выскочил в темноту, начал крутить головой, борясь с собственной слепотой, коря себя за то, что не догадался потушить лампу, когда Линда выбежала во двор. И ведь толку от нее было чуть — лампа все равно больше чадила, чем светила, а вот, на тебе — теперь из-за нее не разобрать ничего.

Слева он услышал какое-то движение, кто-то кинулся к нему, кто-то высокий, тонкий и гибкий. Он вслепую отмахнулся топором. Не попал — тень отпрянула назад и снова бросилась на него, пока он поднимал свое оружие для второго удара. Ударил вторично, чувствуя, как лезвие топора входит во что-то мягкое.

Глаза наконец-то начали привыкать к ночной тьме; впрочем, не так уж и темно было. Ночь выдалась ясной, и хотя луны не было — шел четвертый день после новолуния, зато звезд — серебристая россыпь. Захоти он полюбоваться созвездиями и будь у него на это время, легко бы различил и Серп Расты, и Лук Луни, и Единорога Нурана, и Волосы Гламуры и Чашу Недоперепила. Вот только ни времени, ни желания любоваться звездами у Свена не обнаружилось, ему и без того было на что смотреть. Свен не

мог различить детали, но самое главное он видел: его противник — не человек. Не бывает людей с четырьмя ногами, хвостом и такими длинными руками, люди орут от боли и падают, если их рубануть топором. Опешив от своего открытия, Свен пропустил удар — тварь, что стояла против него, наотмашь ударила его рукой по правому плечу, отчего Свен отлетел к стене дома, выпустив из рук единственное свое оружие — топор. И тут же откуда-то сзади ему на спину упало что-то тяжелое и крылатое, липкие холодные щупальца обвили шею Свена, а острые зубы вцепились ему в ухо. Свен попытался стряхнуть с себя это существо, но тут четырехногий, шипя, бросился к нему, резко присел и ударил в живот жалом, которым заканчивался его хвост.

Свен заорал от дикой боли, которая пронзила каждый его нерв, каждую мышцу, но его крик тут же затих — он враз потерял контроль над своими голосовыми связками, да и над всем телом тоже. Ноги его подкосились, он навзничь завалился на бок и упустил из вида обоих своих противников. Зато теперь он смог увидел, что сталось с Линдой. Ее тело лежало чуть дальше бесформенной грудой, а возле него возилось существо, похожее на четверорукого пеликана и, деловито орудуя длинным мясницким ножом, потрошило мертвую беролачку.

Из дома раздался детский крик, полный ужаса. «Олаф… Саша… Линда… всё…» — успел подумать Свен, прежде чем его сознание угасло окончательно.

Через полчаса хутор запылал. Огонь вначале нехотя лизал старые толстые бревна, из которых был сложен дом-пятистенок, норовя потухнуть, но затем разошелся, загудел ярким пламенем. Тело Свена лежало с распоротым животом на пороге собственного жилища, рядом с ним, на полу, в луже черной липкой крови лежала растерзанная медведица, так и не сумевшая защитить своих медвежат. Еще через час, не выдержав жара, дом обрушится сам в себя, погребая обгоревшие тела хозяев, скрывая произошедшую здесь трагедию.

Где-то далеко, севернее и восточнее хутора, навзрыд плакала двухгодовалая девочка, лежа на дне холщового мешка.

VI

Комната следователя была невелика — два на четыре метра. Тут едва помещались маленький письменный стол, несгораемый шкаф, два стула и сам хозяин кабинета — старший капрал Стражи Карл Кробл. Когда Джай, высокий и широкоплечий, вошел и сел на предложенный стул, стало совсем тесно и душно; казалось, что хозяин кабинета и его гость рискуют умереть от недостатка кислорода. Пришлось старшему капралу открыть окно.

— Извините, что отвлек вас от важных дел, — заговорил старший капрал, втиснув свою полную фигуру между спинкой стула и столешницей стола. — Но для расследования, которое я веду, требуется консультация специалиста, а лучше вас в этом качестве, говорят, никого нет.

— Я вас слушаю, — ответил Джай, покосившись на единственное украшение кабинета — репродукцию с картины Вулазиса «Нергал обороняет Ополье», висящую на выбеленной стене.

— Скажите, сэр Джай, как часто оборотни нападают на людей? — спросил страж, кашлянув в кулак.

— Люди на людей нападают куда чаще, — ответил Джай, наблюдая, как старший капрал вытаскивает из картонной папки лист линованной бумаги и начинает записывать его слова. — Но случается. Мне тут не так уж и давно напомнили, что за последние десять лет я истребил шестнадцать таких оборотней. И еще двоих — мои братья-нураниты.

Страж посмотрел на рыцаря Нурана с почтительным уважением.

— А может быть так, что, к примеру, оборотень дружит с человеком, а потом вдруг на него нападает? — спросил страж.

— Может, — кивнул Джай. — Оборотень, если взбесится, плохо соображает кто перед ним, и в каких они прежде были отношениях. Грубо говоря, он видит перед собой не человека, а большой кусок мяса.

— И даже на родственника может напасть? На жену, к примеру, или на мужа?

— Вполне. Но, должен заметить, браки между людьми и оборотнями — редкое явление.

— Понятно. А вот вы сказали «если взбесится»… А оборотень может напасть на человека без этого?

— Может, — кивнул Джай. — Точно так же, как и человек. Но это случается редко. Дело в том, что оборотни вполне отдают себе

отчет, насколько они сильнее людей, и стараются себя держать, что называется, в узде. Но беда в том, что они — очень импульсивные ребята. Чем дольше ты держишь своего зверя под контролем, тем опасней будешь, когда зверь вырвется. Надо понимать, что «взбесится» — это не вполне правильный термин. Ничего общего с обычным бешенством это не имеет, просто на оборотня может найти помутнение рассудка, он перестает себя контролировать и в нем просыпается желание убивать. После приступа такого бешенства оборотень может вернуться в норму самостоятельно, но взбесившись единожды, он взбесится вновь — это только вопрос времени.

— И с этим ничего нельзя сделать? — поинтересовался следователь.

— Можно. Есть зелье Лунного Покоя — оно возвращает оборотня в относительную норму. Действует безотказно, даже на тех, кто попробовал человеческого мяса — а это уже конченые хищники, они себя совсем не контролируют.

— Даже так? Хм. А отчего тогда оборотни не принимают это зелье превентивно, в целях профилактики, так сказать?

— Жрицы Луни делают его из лепестков Лунной Лилии. В нашем мире есть только один такой цветок — он растет в Лунном Храме, его берегут, обрывая лепестки только когда иначе нельзя и лишь с особого благословения Луни. Кроме того, оборотни от этого зелья не только успокаиваются, оно их меняет. Может лишить памяти или даже и вовсе новую личность сформировать. Согласитесь, такое лекарство станешь употреблять только в крайнем случае.

— Любопытно. А скажите, сэр Джай, любой оборотень может взбеситься? Они все такие нестабильные, или какие-то виды оборотней к этому менее расположены?

— Разные виды подвержены этому по-разному. С воронами и лебедями такие казусы очень редко случаются. Другое дело, что вороны — вид вымирающий, а лебеди в наших краях встречаются редко. Ламии — те вообще спокойные, никогда с ними проблем не было. Змеи, что вы хотите… Лисы, барсуки и тануки — честно сказать, не знаю, ни разу таких оборотней не встречал, они больше на востоке распространены. Морские львы, тюлени и моржи — довольно редко, и когда такое встречается, они, как правило, не на людей нападают, а больше между собой буянят. А вот волколаки, беролаки и котолаки всякие — с теми случается чаще. Особенно среди волколаков. Большинство моих, так сказать, клиентов — именно волколаки.

— Понятно. А с беролаками вы дело имели на этой почве?

— Один раз было, лет шесть назад. Но опять же, медведи и

встречаются реже. У нас тут больше всего волков, малых кошек, рысей и тюленей.

— Скажите, сэр Джай, а такого взбесившегося оборотня тяжело убить?

— С кем сравнивать, — усмехнулся рыцарь. — Не самое легкое дело.

— Ну вот скажите: обычный человек, неподготовленный, он сможет взбесившегося оборотня убить?

— Да. При известном везении. Такие случаи бывали.

— И даже без специального оружия? Мне бабушка в детстве рассказывала, что оборотня можно убить только серебряным клинком. Или стрелой с серебряным наконечником.

— Серебром проще, конечно. Оборотни очень быстро регенерируют, а оно существенно замедляет этот процесс. Но оборотня вполне можно убить и самым обычным оружием, только рана должна быть серьезной. К примеру, если отрубить оборотню голову — он умрет. Или если прострелить сердце. Или мозг. Или горло перерезать — волколаки друг другу чаще всего перегрызают горло. Оборотня можно утопить, сжечь или отравить, можно придавить чем-нибудь тяжелым. Много чего можно придумать…

— Благодарю вас, сэр Джай. Позвольте подытожить. Если бы вам рассказали, что берolачка взбесилась и напала на своего мужа-человека, а он зарубил ее топором, вы бы не сказали, что такого не может быть?

— Хм. Я бы удивился, но в принципе… такое возможно… отчего нет? А где и когда это произошло? Я не слышал об этой истории.

— К югу от города, километрах в двенадцати, есть один хуторок. Вернее, был. Там жили Гордоны — муж-человек, жена-медведица и двое детей. Три дня назад один из соседей, Тук Менсон, отправился на охоту и оказался неподалеку от их жилища. Сам он живет не сказать, чтобы близко — километрах в трех, на таком же хуторе. Соседей видит редко. Решил заглянуть, узнать, как дела. И обнаружил пожарище, а среди пепелища — два обгоревших тела. Вызвали нас. Я там вчера был. Дом дотла сгорел, от тел только кости и остались. Судя по всему, она взбесилась и напала на мужа, а тот ее зарубил — лезвие от топора мы рядом нашли. Но и сам не выжил. У медведицы была разворочена грудная клетка, у мужчины кости вроде все целы, но сами понимаете… Вероятно, когда они боролись, опрокинули лампу или что-нибудь в таком роде, вот дом и сгорел.

— А дети? — спросил Джай нахмурившись.

— Их не нашли. Ищут, но сами понимаете. Судя по всему,

пожар был дней десять назад, может быть неделю. Вероятно, их тоже уже нет в живых. Следствие считает, что старший испугался, когда родители начали драться, и убежал в лес с сестрой на руках. Там они и сгинули. Мальчишке было лет десять всего, а девчонке — года два. Настоящая трагедия…

— Да уж… — задумчиво протянул Джай.

— Ну, спасибо вам за помощь, — сказал старший капрал, протягивая Джаю лист бумаги, на котором он конспектировал свои вопросы и ответы нуранита. — Вы меня очень выручили. Вот тут, внизу подпишите и дату поставьте. Да, где галочка.

— Вот уж не за что. — Джай в задумчивости вывел на листе свое имя и вернул протокол стражу.

— Не скажите. Дело, в общем-то ясное, расследовать тут абсолютно нечего. Но так просто его не закроешь. А теперь, когда у меня есть мнение такого эксперта, как вы… одним висяком меньше.

Джай посмотрел на стража с каким-то новым интересом, и под его взглядом старший капрал стушевался и опустил глаза.

— У нас и без этого сейчас работы — непочатый край, — стал оправдываться страж. — Что не день — то драка или грабеж. А то и убийство. Да еще и купцы исчезать начали. Кто — с концом, а кого и находят потом. Мертвыми и без товара. В этом месяце — два тела, оба на восточной дороге. Не иначе где-то в окрестностях разбойнички завелись. Торговцы уже поодиночке и не ездят. Слышали? И все в нашей двадцатикилометровой зоне, а кому ловить, если не нам? А как ловить, если им лес — дом родной? Капитан облаву готовит, следопытов ищет. Кстати, не хотите ли поучаствовать, сэр рыцарь?

— Непременно, — ответил Джай. — Передайте капитану, как соберется — пусть отправит весточку в Храм Героев. Я с братьями-рыцарями обязательно поучаствую. А пока…

— А пока, еще раз спасибо! — сказал страж, поднимаясь со стула и протягивая рыцарю руку.

Джай встал, пожал руку, попрощался и вышел из кабинета, который сразу показался хозяину большим и просторным. Ненадолго. Ненадолго — потому что Джай вернулся.

— А где вы говорите, находился этот хутор? — поинтересовался он.

VII

Метрах в пятидесяти от пожарища переплетались своими ветвями ясени и липы — сгоревший хутор располагался на опушке и с трех сторон был окружен лесом, а с четвертой его подпирало небольшое чистое озерцо — метров сорок от берега до берега. Чуть в стороне от пепелища, под нарочно устроенным навесом, бил из-под земли родник, а вокруг него были устроены грядки со всякими овощами, какие можно встретить на огороде любого фермера. Чуть дальше, вдоль ручейка, истекающего из родника и впадающего в озерцо, ровными рядками росли молодые яблони, сливы и вишни, однако было видно, что этот садик разбит всего пару лет назад, и вряд ли хозяева успели снять с него хотя бы один стоящий урожай. Еще дальше расположилась небольшая, на восемь ульев, пасека.

Джай склонился над ключом, зачерпнул ладонью холодную воду и вволю напился — день выдался жаркий, и ничего удивительного не было в том, что рыцаря одолела жажда.

— Хватит прятаться, — громко сказал он, выпрямляясь. — Я знаю, что вы здесь. Выходите, не стесняйтесь.

С минуту ничего не происходило, а затем из леса, к которому рыцарь стоял спиной, вышли Лара Уиллис и Миневра Шерстошейка. Услышав их шаги, Джай повернулся и кивнул, то ли жрицам — приветствуя их, то ли самому себе — подтверждая свою догадку. Лара кивнула в ответ, а Миневра отвернулась и принялась рассматривать пасшуюся неподалеку Красноперку — ездовую птицу Джая.

За семь месяцев, что прошли со времени ее стычки с Джаем, волколачка успела вполне оправиться от полученной раны, но все же прятала под зеленым шелковым шарфиком кривой шрам от серебряного кинжала рыцаря. Выглядела она совсем еще девочкой — несколько нескладной, высокой и худой, с острыми плечами и жгучим взглядом зеленых глаз под широкими сросшимися бровями. Ее густые светло-русые волосы были коротко острижены, а одета она была в легкое льняное платье веселой сине-зеленой расцветочки. Что касается ее старшей подруги, то Лара была в брючном охотничьем костюме из темно-коричневой замши, и это одеяние очень шло к ее каштановым длинным волосам и ореховым глазам. За спиной у нее висел длинный серебристый лук в кожаном потертом чехле, а у правого бедра на поясе был подвешен колчан с белооперенными стрелами.

— Охотитесь? — поинтересовался Джай.

— Что-то вроде того, — ответила Лара, а Миневра скривила в

усмешке тонкие губы.

— На меня? — спросил Джай.

Миневра в ответ широко улыбнулась, продемонстрировав свои замечательные острые зубы, которые даже сейчас, когда она была в этом облике, более походили на волчьи, чем на человеческие.

— Мы здесь потому же, что и ты, — сказала Лара, положив руку подруге на плечо и чуть сжав его. — Хотим понять, что тут случилось.

— А что тут случилось? — спросил Джай.

— Мы думаем, что кто-то убил Свена и Линду Гордон, их детей похитил, а хутор сжег, чтобы замести следы, — сказала Лара. — А ты считаешь иначе?

Джай неопределенно пожал плечами.

— Стража считает иначе, — сказал он.

Миневра фыркнула.

— О, я знаю, — кивнула Лара. — Они думают, что Свен и Линда поубивали друг друга, а дети убежали в лес и там сгинули. Мне не удалось их переубедить — на редкость тугоголовые ребята.

Миневра закивала.

— Боюсь тебя разочаровывать, но, кажется, я укрепил их в этом заблуждении. Они настолько уверились в нем, что закрыли дело. А чем вас не устроила их версия? Оборотни действительно иногда нападают на людей, вы знаете об этом не хуже меня.

Миневра сделала вид, что не поняла намека.

— Бывает, — согласилась Лара. — Но дело в том, что это — не первый подобный случай за последнее время. Стража делает вид, что ничего не происходит — им так спокойней. Сборище твердолобиков! Ты бы знал, какого труда мне стоило убедить их не удовольствоваться моим экспертным мнением, а допросить еще и тебя!

Рыцарь несколько секунд внимательно разглядывал Лару.

— А зачем ты их в этом убеждала? — поинтересовался он.

— Чтобы ты заинтересовался этим делом и занялся им, конечно!

— А почему нельзя было просто прийти в Храм Героев и попросить меня лично, не через Стражу? — спросил рыцарь.

— Чтобы можно было посмотреть, как ты возьмешься за это, думая, что действуешь сам по себе, — ответила Лара.

На этот раз рыцарь разглядывал Лару гораздо дольше.

— Не понял, — наконец выдал он.

— Что тут непонятного? — фыркнула Миневра. — Нам надо было убедиться, что это не твоих рук дело. Если бы ты их убил, то

наверное никуда не поехал бы. А если бы мы к тебе пришли — поехал бы, чтобы никто на тебя не подумал. Лара очень даже хорошо придумала.

— Вот уж спасибо, — холодно поблагодарил рыцарь. — И как? Убедились?

— Убедились, — кивнула Миневра. — Чего ты дуешься? А то я не знаю, как ты оборотней любишь. Все про это знают. Когда наши пропадать стали, в Звериных покоях только и разговоров было, что это ты спятил на почве избавления человечества от чудовищ.

— Я была и без этой проверки уверена, что это не ты, — поспешила добавить Лара.

— Однако, — рыцарь пригладил свою короткую бороду. — А ты отчего была уверена, что это не я?

— Так ведь вместе с оборотнями и люди пропадали. Слышал про нападения на купцов? Так вот, у них в охране как раз оборотни были, ты же знаешь, они частенько так подрабатывают. Людей-то потом находили — мертвыми, а вот оборотней — нет. Даже если бы ты спятил, то не до такой степени, чтобы еще и людей убивать, ты же не только на истреблении чудовищ помешан, но и на защите людей. Да и вообще, я думаю, ты на такое не способен. А у Миневры, согласись, есть личные причины для некоторого предубеждения по отношению к тебе.

— Значит, теперь подозрения с меня сняты? Польщен. Нет, не то. Просто счастлив! А вам, простите, не приходило в голову, что я, к примеру, могу не приехать, потому что занят? Или наоборот: я поехал сюда не для того, чтобы разобраться, а как раз потому, что все ждали, что я поеду?

— Если бы ты оказался занят — попросил бы приехать какого-нибудь другого нуранита, — ответила Лара.

— И ты же не просто приехал, покрутился и уехал, ты ходил по пожарищу, искал следы. Что-то поднимал с земли, подносил к глазам, рассматривал. Не зная, что мы здесь и следим за тобой. Мы с Ларой видели. Зачем бы тебе это делать, если это ты их убил? Только не надо говорить, что ты нас сразу почувствовал, потому так и расстарался. Ты нас обнаружил только потому, что ветер не вовремя направление поменял, а мы не успели перепрятаться. И да, я теперь тебе доверяю чуть больше.

— Зря, — усмехнулся Джай. — А не приходило в голову, что у меня может быть раздвоение личности? Что один «я» не знает, что другой делает? А что, среди жрецов такое часто случается, не знали?

Миневра бросила на рыцаря полный подозрения взгляд и вопросительно посмотрела на старшую подругу. Лара чуть

заметно качнула головой.

— Еще раз прошу нас простить, — сказала она, — но эта проверка действительно была необходима. Арника поручила нам разобраться во всем этом. Мне и Миневре. Я на тебя не думала, это — дико, это — глупо! Миневра — да, заподозрила тебя. Не то чтобы всерьез, но… Ей — простительно. Самым простым способом ее переубедить оказалось устроить эту маленькую проверку, и ты ее с честью выдержал. А мы тебе прямо и честно об этом всем рассказали. Согласись, чтобы работать вместе, нужно доверять друг другу, разве нет?

— Да кто вам сказал, что я собираюсь работать вместе с вами? — возмутился рыцарь. — Я работаю один. Я так привык, это замечательно позволяет избегать проблем с доверием к напарникам. Опять же, дает некоторую гарантию, что никто не всадит тебе стрелу в спину, или не вопьется клыками в горло.

— Я тебя тогда не в горло вцепилась, а в плечо! — Кажется, Миневра начала заводиться. — Мог бы и спасибо сказать, что сдержалась!

— Я не стал тебя добивать, — напомнил рыцарь. — Какая тебе еще благодарность нужна, девочка?

— Я-то думала, Лунный храм и Храм Героев решили считать тот инцидент исчерпанным, — сказала Лара. — И вы оба с этим согласились! Разве нет?

— Лара, он первый начал! А еще рыцарь!

— Он обиделся на нас, потому и ведет себя как твой ровесник. Сейчас он немного успокоится, подумает, поймет, что не справится без нас, так же, как и мы без него, вы пожмете друг другу руки, и мы займемся тем, ради чего здесь собрались.

— Это почему это я не могу обойтись без вас? — спросил Джай.

— Сначала ответь на вопрос, потом я объясню, — ответила Лара. — Ты здесь хорошо осмотрелся? Что-то нашел?

— Только подтверждения тому, что на Гордонов кто-то напал, — ответил Джай. — Вообще-то, я в этом и не сомневался, после того как осмотрел их тела в морге. Там мало что уцелело, но по костям Линды хорошо видно, что убивали ее не топором. Ребра сломаны, но не разрублены, череп цел, позвоночник — тоже. Но на некоторых костях есть отметины — будто бы от ножа с гибким тонким лезвием.

— Вот видишь, — сказала Лара Миневре, — как он легко и быстро все понял. Он не только замечательный боец, но и очень умный человек. Он один стоит целого отдела Стражи. Продолжай, пожалуйста. Про кости понятно. Но что ты тут нашел?

— Вон там, чуть дальше, земля немного темнее, — ответил

Джай. — Скорее всего, там пролилась кровь. Много крови. Сказать, чья это была кровь, я не возьмусь, но подозреваю, что это кровь хозяйки. Потом посмотрите на тот чурбанище. Судя по следам, хозяева на нем дрова кололи. Но на нем есть и другие следы, будто бы им колотили обо что-то. Или выбивали им дверь. Да и лежит он на боку, а не стоит… Затем взгляните вон туда, на ту кучу углей. Видите? Судя по всему, это был сарай для скотины, свинарник. Если порыться в углях, как я это сделал, можно обнаружить обгоревшие свиные кости. Два комплекта. Но комплекта неполных, там нет задних ног, кроме того у них вскрыты грудины. О чем это говорит?

— Кто-то убил и на скорую руку разделал свиней, забрав окорока и, может быть, еще какие-то мясные куски, — не задумываясь ответила Лара. — А что ты скажешь про детей?

— Пока ничего, — ответил Джай. — Их либо похитили, либо мальчишка действительно унес сестру. Возле дома стражники затоптали все, что можно было. Перед тем как вас учуять, я как раз собирался поискать следы возле леса.

— Ты их не найдешь, — сказала Лара. — Ты очень умный охотник, у тебя замечательно развиты органы чувств, ты лучший среди рыцарей Нурана. Но ты все-таки человек. Ты не сможешь взять след восьмидневной давности.

— Предположим, — прищурился Джай. — И?

— А я смогу, — сказала Миневра.

VIII

Удар был столь силен, что Джай отлетел к стене и больно ударился затылком. Хорошо, что не отключился — повышенный уровень адреналина в крови спас. Впрочем, радоваться времени не было, пришлось резко уходить влево, чтобы избежать удара шипастого щупальца, содравшего со стены толстый слой штукатурки. Контратаковать не получалось, все что сейчас успевал рыцарь — кувыркнуться влево и вперед, чтобы его не загнали в угол.

— Знаете, это даже очень хорошо, что вы к нам заглянули, — произнес невысокий мужчина в белом халате, из тех, что носят врачи и алхимики. — Всегда хотел проверить свое создание в деле. Людская молва вас так расписывает… вы и по воде бегаете, и по потолкам лазаете, и в одиночку неспокойный погост усмиряете… Гроза оборотней и вампиров, истребитель чудовищ. Как я слышал, сэр Ланс прочит вас своим приемником, не так ли? Но надо признать, что и противник у вас достойный. Верно, сэр Джай?

Джай не ответил — берег дыхание. Его стоило беречь. Чтобы не попасть под удар клешни, способной одним движением оставить его без руки или ноги, пришлось уворачиваться, уворачиваться и еще раз уворачиваться.

— Отдам вам должное, — продолжал человек. — Моих слуг вы извели очень эффективно. В одиночку! Весь мой зверинец — два десятка первоклассных боевых химер! За полчаса! Я наблюдал, конечно. Я не специалист в этом деле, я вообще и близко не воин. Я, как вы догадались, алхимик. Но вами восхищаюсь. Скажите, вы как-то модернизировали свое тело или просто натренировались так? Хотя это не важно. С этой химерой не справиться даже вам, поверьте мне.

Поверить в это было несложно. Чтобы пробиться к хозяину башни, Джай действительно истребил целую армию химер, однако эта схватка не далась ему даром — он сильно устал и был дважды ранен. Хотя его раны больше напоминали глубокие царапины, чем представляли что-то серьезное — одна из химер умудрилась прокусить наруч на левой руке и вонзить длинные острые зубы в предплечье рыцаря, другая смогла пробить его защиту и располосовать правую ногу чуть выше колена, — но давали о себе знать и они. Теперь же нураниту пришлось сражаться с существом, много опаснее тех, что он сегодня встретил.

Это существо было много сильнее, быстрее и ловчее любого

другого, с кем рыцарю прежде доводилось сталкиваться, но даже не это делало его столь опасным. Такое на своей практике Джай видел впервые: химера то отращивала дополнительную пасть на животе, то выпускала длинный хвост с острым костяным шипом на конце, то превращала свои маленькие руки в мощные лапы с длинными острыми когтями. Или в клешни. Или в щупальца. Все это постоянно атаковало Джая, стараясь укусить, ужалить, располосовать, разодрать. Рыцарь, как ни старался, совершенно не мог предугадать следующего действия противника, не мог подстроиться под него и перехватить инициативу. Он лишь защищался, и даже это удавалось ему с большим трудом. Когда же Джаю все-таки удавалось украсть мгновение и нанести удар по этому странному существу, то он пропадал втуне. Химера легко уклонялась от разящей стали или ловко блокировала ее, отводя лезвие меча в сторону нарочно отращенным костяным наростом на руке. И снова рыцарю приходилось извиваться ужом, прыгать, падать, откатываться и кувыркаться, чтобы избежать атаки чудища. Видит Нуран, с теми двадцатью двумя химерами, о которых упомянул их создатель, справиться было гораздо проще!

— Я специально создавал ее против особых противников, — продолжал разглагольствования человек в халате. — Не таких, конечно, как вы…

Разглагольствовать ему было тем проще, что сам он, хоть и находился в нескольких метрах от Джая, был в абсолютной безопасности — химера успешно пресекала все попытки рыцаря подступиться к своему хозяину. Впрочем, сидя за маленьким письменным столом на жестком стуле, лениво листая какой-то журнал и делая на его страницах пометки новомодным самопишущим пером, алхимик мог с тем же успехом находиться в соседней комнате, на другом этаже, да что там — в другой стране. Джай уже и не пытался к нему приблизиться, полностью отдавая все силы и внимание его порождению.

— Про то, что вы можете навестить меня, я как-то даже и не думал, — говорил человек. — Но вижу, что моя малышка прекрасно годится и против вам подобных, а не только против боевых магов.

Джай отпрыгнул вправо, уклоняясь от плевка кислотой, затем резко шагнул назад, едва-едва разминувшись с когтистой лапой, и тут же пригнулся и крутанулся на месте, крепко сжав рукоять меча обеими руками. Удар вышел что надо — лезвие вошло химере под левую лапу, между двух чешуек хитинового панциря, которым сейчас были защищены ее грудь, живот и нижняя часть торса. Химера завизжала так, что рыцарь оглох на одно ухо, и тут же нанесла два сильнейших удара по правому плечу и спине.

Джай был сбит с ног и отброшен в дальний угол, но химера не ограничилась этим, а тут же ринулась к нему, не давая и мгновения передышки. Ее руки обратились в некоторое подобие клешней, и в следующие несколько секунд Джаю пришлось очень непросто. Он почти чудом остался жив — разъяренная химера двигалась и атаковала настолько быстро, что, несмотря на всю свою многолетнюю подготовку, нуранит едва успевал замечать ее удары и избегать их.

— Так его, так, моя красавица! — подбадривал свое создание алхимик. Рана, нанесенная Джаем химере, произвела на ее хозяина даже более сильное впечатление, чем на нее саму — он отложил в сторону ручку и приподнялся со стула, чтобы лучше видеть схватку. — Плохой дядя, плохой! Обижает мою девочку… Бей его!

Уклоняясь от очередной атаки химеры, Джай поджал колени к животу, а потом, вклинившись между двух ударов, резко распрямил ноги. Химера, тихо взвизгнув, отлетела прочь. Рыцарь в одно движение оказался на ногах и бросился к ней, занося меч для удара. Момент был подходящий — химера при падении сильно ударилась рогатой головой и на несколько секунд потеряла ориентацию в пространстве. Однако не настолько, чтобы дать рыцарю осуществить замысел — тот целил в шею, но она в самый последний момент ударила его клешней по предплечью, сбивая клинок в сторону. Меч всего лишь распорол ее левое плечо и отлетел в сторону — ловким движением гибкого хвоста химера выбила его из рук рыцаря. Вслед за этим ее правая нога выгнулась в суставе под ненормальным для человека углом, и нуранит получил весьма болезненный тычок копытом в живот. От этого удара Джай задохнулся и чуть не упал, лишь в последний момент удержав равновесие. Схватив чудищу за ногу, он резко дернул ее, приподнимая, и нарочно упав на спину, с силой перекинул противницу через себя. Алхимик ойкнул — его химера перелетела через Джая и больно врезалась головой в пол. Однако и Джаю досталось: находясь в воздух, чудища успела трансформировать копыто на ноге в трехпалую лапу и схватить ей рыцаря за правую руку. Инерция приема, только что проведенного Джаем и масса химеры сыграли с рыцарем злую шутку — нуранит почувствовал резкую боль в предплечье и едва не заорал в полный голос.

«Перелом. Вот тварь!»

Вопреки надеждам рыцаря, удар о пол не размозжил химере голову, или, вернее сказать, не стал для нее смертельным. Более того — она уже отчасти пришла в себя и ударила его передней лапой по здоровому плечу. Джай извернулся и отпихнул ее ногами. Чудища приподнялась, выпустив десяток длинных гибких

щупальцев, опутала ими его лодыжки и стала подтягивать рыцаря к себе, разинув широкую, полную акульих зубов пасть. Нуранит выхватил левой рукой из голенища сапога свой серебряный кинжал, намереваясь нанести химере хороший удар, как только ее голова окажется на достаточном для этого расстоянии, но тут ее хватка ослабла, она вдруг выпустила его, завалилась на бок и замерла.

Рыцарь, не вполне понимая что произошло, тем не менее попытался приподняться и нанести химере запланированный удар. В эту секунду что-то кольнуло его в область шеи и он, моментально потеряв контроль над своим телом, снова опрокинулся на спину, а его кинжал выпал из разжавшихся пальцев.

— Извините, но это было бы не вполне честно, — заявил алхимик, откладывая в сторону маленький пружинный арбалет. — Я вынужден прервать этот занимательный опыт, чтобы восстановить статус-кво. Понимаю, вы не в восторге от этой заминки, но было бы несправедливо, если бы вы победили, воспользовавшись моей маленькой недоработкой.

Джай попытался пошевелиться, но это у него не получилось — его тело более не подчинялось ему. Сердце продолжало биться, грудь поднималась и опускалась, позволяя легким дышать, — но и только. Даже моргнуть самостоятельно рыцарь не мог, его разум более не управлял своим вместилищем.

— Я вижу, вы не понимаете и требуете от меня объяснений, — продолжал алхимик, что-то записывая в свой журнал. — Извольте. Пожалуй, вы имеете право на некоторые комментарии. Дело в том, что я, как вы успели убедиться, создавал эту химеру как самого лучшего, самого искусного убийцу. Результат впечатляет, не так ли? Конечно, ее поведение не вполне безупречно с точки зрения стратегии и тактики боя — что поделаешь, сказывается отсутствие опыта и подходящих спарринг-партнеров, — но в целом я ей вполне доволен. Кстати говоря, во время вашей схватки я отметил для себя несколько вещей, которых надо будет слегка доработать, так что в том успехе, что в конечном итоге ждет меня, будет и ваша заслуга. Но это к слову… Как я уже сказал, у Мары пока есть один серьезный недостаток, который я не смог заранее предусмотреть.

«У Мары? Это ее он так называет?»

— Надо заметить, что ее боевые качества основаны на двух китах: на иммунитете к магическим воздействиям и на полиморфизме. Ну да, я говорю про эту ее способность менять форму. Ох, знали бы вы, от скольких существ мне пришлось внедрить в ее ДНК генетические последовательности — вы бы

ахнули! Должен сказать, сбор образцов занял много времени, но я старался сделать ее максимально универсальной. Но с таким многообразием потенциальных фенотипов есть одна сложность, сложность выбора. Мне пришлось изрядно повозиться, чтобы она моментально принимала решения о выборе подходящей формы. Сами понимаете, в бою ситуация меняется быстро, если Мара будет долго выбирать, какие конечности для текущего момента подходят больше других, ее легко победят. Потому пришлось увести процедуру выбора на подсознательный уровень, на уровень рефлексов, отдать ее в мозжечок, который пришлось значительно модифицировать для этого, увеличив в нем количество нейронных связей на порядок! Вы слышите? На порядок!

Одно было хорошо в положении Джая: потеряв контроль над телом, он больше не чувствовал и боли, голова была на удивление легка, ясна и свежа, потому он превосходно понимал, о чем говорит алхимик. «Похоже, ему совершенно не с кем было поговорить о своей работе. Он тут свихнулся со своей химерой. Или он был сумасшедшим еще до того, как начал ее создавать?»

Надо заметить, несмотря на свое положение, эта часть монолога алхимика очень заинтересовал нуранита, можно даже сказать, что тот нашел в Джае весьма неравнодушного слушателя.

— В результате я достиг, чего хотел: она меняется инстинктивно, выбирая оптимальную конфигурацию своего тела. Но, признаюсь вам, я перестарался. Она слишком чутко реагирует на внешнюю ситуацию, слишком часто меняет фенотип, а это ведет… да-да, вы угадали верно — к сумасшедшему расходу энергии! Не говоря уже про то, что ее модифицированный мозжечок сам по себе весьма затратный в этом плане орган. Конечно, отчасти я предвидел и это, но такого перерасхода не ожидал. Последствия вы увидели сами — она отрубилась прямо посреди боя. От истощения. Заснула! Просто взяла и заснула. Каково, а?

Даже своими глазными яблоками рыцарь не мог управлять, веки опускались и поднимались сами по себе, когда глаза пересыхали, и требовалось сморгнуть, чтобы это исправить. Потому у Джая не оставалось никакой возможности отвести взгляд от химеры, и он видел, что постепенно ее тело меняется, возвращаясь к тому состоянию, в котором рыцарь увидел ее перед тем, как она напала на него. Сейчас она вовсе не казалась смертельно опасной, скорее наоборот — слабой и беззащитной.

— Для того я и стал отлавливать оборотней, чтобы получше изучить их способность к перемене облика. Эволюция очень хорошо над ними поработала. И с точки зрения оптимизации

затрат энергии, и с точки зрения контроля. Конечно, в Маре уже есть фрагменты их ДНК, ее процедуры трансформации заимствованы у них, но мне пришлось их доработать, чтобы она могла совмещать разные фенотипы. Увы, как видно, при этом пострадали природные оптимизации процесса, так что я теперь вынужден проводить серьезный рефакторинг. Вот уже полгода я занимаюсь этим — модернизирую ее, обучаю оптимальнее использовать свой потенциал. Это непросто, но, думаю, положительный результат — дело времени. А пока я вынужден в случаях, когда она засыпает от истощения, давать ей особое питание. Потому и понадобилась эта досадная пауза. Вы уже устали ждать? Ничего, скоро вы сможете продолжить. Сейчас я закончу с оформлением своих наблюдений, пока память о них еще свежа, введу ей энергетик, вам — антидот к нейропарализатору, и вы сможете продолжить. Две-три минуты, не более того.

В этот момент рыцарю показалось, что у него начали чесаться ребра в том месте, куда попал удар ноги химеры и рука в месте перелома. Что касается алхимика, то произнесение монолога никак не мешало ему делать записи в журнале.

— Кстати, я так понимаю, что вы и ваши подружки как раз разыскивали тех оборотней, которых я отлавливал для исследования? Признаться, я не ждал, что на меня выйдут так рано. Думал, у меня будет еще хотя бы год. Но ничего страшного: тех моих слуг, которых вы сегодня убили, я заменю в течение недели. Я уверен, что Мара с вами замечательно справится, а затем мы вместе с ней спустимся в подвал, где я заблокировал ваших спутниц, и там, на глазах у моих узников, она разделается и с ними. Ваши тела найдут далеко отсюда и спишут все, как всегда, на разбойников. Или на диких оборотней. Или каких-нибудь других чудищ. Впрочем, девочка еще послужит благой цели — она волколачка, а значит мне пригодится. Кто знает, вдруг именно она даст мне ключ к решению проблемы… Кстати, чего это вам пришло в голову тащить с собой двух девиц? Я бы еще понял, если бы вас сопровождали ваши товарищи-рыцари…

«Не надо было слушать Лару! Надо было послать их за подкреплением, когда след привел нас к этой башне! Я, дурак, виноват: решил, что освободить узников из клеток, пока я отвлекаю охрану — самое простое и безопасная дело. Доотвлекался. Стыд и позор — от дротика с парализатором уклониться не смог».

Между тем алхимик закончил с записями в журнале, поднялся из-за стола, вышел на минуту из комнаты и вернулся с двумя шприцами. Содержание одного из них было прозрачно,

зато второй содержал что-то красно-серебристое.

— Ихор[3], — пояснил алхимик. — Замечательный природный энергетик. Жаль только, доставать его очень непросто, даже с моими связями. Впрочем, хватит о моих проблемах, у вас и своих довольно. Поступим сейчас так: я вколю вам антидот, он начнет действовать через три-четыре минуты. Пока вы будете приходить в себя, я вколю Маре энергетик. Он подействует чуть быстрее. Если вы восстановитесь чуть раньше, большая просьба — подождите ее. А я обещаю вам, что она не нападет, пока вы не вернете над собой контроль. Договорились?

Рыцарь, разумеется, не ответил.

Алхимик подошел к Джаю, и, опустившись на одно колено, вколол ему в предплечье шприц. Предварительно протерев место укола ваткой, от которой пахло спиртом.

— Ну вот, — сказал он. — Теперь Мар-р-р-х-х…

Глаза Джая на мгновение вспыхнули серебром, его рука метнулась к горлу алхимика и сдавила его. Тот попытался вырваться, но хватка рыцаря была на удивление цепкой — казалось, всю свою жизнь, все силы, что у него оставались, вложил Джай в нее. Алхимик, выронив шприцы, схватил нуранита за руку, попытался выкрутить ее, потом в отчаянии попытался дотянуться до серебряного кинжала, лежащего так близко… и так далеко. Все было тщетно — хватка не ослабла даже тогда, когда алхимик перестал дышать, перестал вырываться, перестал жить… Джай сжимал его горло до тех пор, пока к нему полностью не вернулась способность управлять своим телом.

— Благодарю, Справедливый! — пробормотал рыцарь, отбрасывая от себя труп алхимика.

Когда Джай взялся за свой серебряный кинжал, химера во сне тихо зачмокала губами.

IX

— Все забываю спросить, а чем таким ты взрывал башню? — поинтересовался сэр Ланс. — Лара сказала, что три верхних этажа были почти начисто снесены.

Они прогуливались на заднем дворе Храма Героев, по площадке, где обычно молодые послушники отрабатывали удары мечом на ростовых соломенных куклах, изображающих различных существ, с которыми они могли столкнуться в будущем на практике. Сейчас тут были только Джай и сэр Ланс — в эту ночь в городе было довольно неспокойное замещение, и почти все нураниты стояли в оцеплении вместе со Стражей.

— Фунтуштерн, судя по всему, понимал, что рано или поздно на его игры с химерами обратят внимание и подготовился к тому, чтобы в случае необходимости быстро избавиться от улик. Он снабдил свой чарогенератор контуром самоликвидации, а саму башню как следует набил очищенным гномьим маслом — бочки с ним в каждой кладовой были. Мне достаточно было опустить один рубильник, и через десять минут там все взлетело на воздух, — ответил Джай, поправляя перевязь, на которой висела его загипсованная рука.

Прошло два дня с тех пор, как он вернулся из башни алхимика. Посвящение Нурану давало его рыцарям, среди всего прочего, способность к ускоренной регенерации, потому от большинства полученных там ран не осталось уже и следа, однако для того, чтобы срослись сломанные кости, все же требовалось время.

— Это он тебе сам рассказал? — прищурился сэр Ланс.

— Почти. Это я прочитал в его лабораторном журнале. Он в нем что-то типа своего дневника вел.

— Где теперь этот журнал?

— Я оставил его в лаборатории. Там было слишком много алхимических формул, и я решил, что этот журнал должен быть уничтожен со всеми инкубаторами, зельями и прочим алхимическим скарбом. Я поступил неправильно, учитель?

— Правильно. Но если бы ты его сохранил, тебе было бы проще оправдаться перед стражей. Я говорил, что вчера утром приходил капитан и хотел тебя допросить? Я сказал ему, что тебе сначала надо оправиться от ран.

— Я не совсем понимаю, почему я должен оправдываться, — нахмурился Джай. — Меня что, в чем-то обвиняют?

— Официально — нет, во всяком случае, пока. Надеюсь, и потом — тоже. А чему ты удивляешься? Убил главу алхимической

лаборатории и думаешь, что ни у кого не возникнет вопросов?

— Я убил опасного маньяка и убийцу, который собирался захватить мир с помощью армии химер.

— То же самое я сказал капитану. Но, понимаешь… Фунтуштерн был большой шишкой. Почетный член городского совета, профессор алхимии, декан Объединенной алхимической кафедры, маг из Круга высших магов и все такое. В ратуше у алхимиков сильное лобби. Их-то самих мало кто любит, но без их зелий и маготехники современное общество уже и не представить. И они совершенно не желают, чтобы на них повесили всех собак, у них и так довольно сомнительная репутация. Ратману тоже не нужно, чтобы толпа разгромила Главную алхимическую лабораторию, не говоря уже о том, что с Фунтуштерном они были добрыми приятелями. Так что он дал распоряжение капитану во всем как следует разобраться — а ну как Фунтуштерн был лапочка и симпатяга, а ты его без вины убил? Вот он и пытается разобраться. Башню-то ты взорвал? Взорвал. Вместе со всеми уликами. Несколько обгоревших нечеловеческих тел — этого маловато.

Они прошли через широкую арку во внутренние помещения храма и двигались теперь мимо келий послушников в сторону храмовой кухни. Приближалось время завтрака, и в воздухе витали ароматы молочной каши и жареного лука.

— Понятно, — хмуро сказал Джай. — А как же пленные, которых мы освободили? А как же Лара и Миневра? Они-то видели, что в той башне творилось.

— Капитан сказал, что показания пленников не слишком надежны. Вы освободили мальчика десяти лет, девочку — двух, спятившего рысолака, совершенно утратившего связь с реальностью, и искалеченного волколака, у которого в прошлом были проблемы с законом. А вот слова Лары и Миневры — это уже много серьезнее. Капитан в конце разговора признался, что, если бы алхимики так не давили, он бы закрыл дело не задумываясь.

— Понятно, — повторил Джай.

— Ты не переживай. Я думаю, все быстро образуется. Я уже поговорил с Кирой, она на нашей стороне. Да и общественность тоже. Эта история уже известна всем и каждому, тебя считают героем, а Фунтуштерна — спятившим ученым-убийцей. Даже прозвище ему придумали — Повелитель Зверей.

— Это он сам себе такое имя дал, — усмехнулся рыцарь. — Даже в том журнале себя так величал. Впрочем, его армия и напоминала зоопарк. Ну и твари — куда там нашим милым вампирам, оборотням и демонам.

— Тем не менее ты с ними справился, — сказал сэр Ланс. — Ты исполнил свой долг, и люди этого не забудут. Так что получается, весь город на нашей стороне. Да и сами алхимики уже начали сдавать назад — они далеко не дураки. Заявили, что вот полгода, то есть с момента смерти жены, Фунтуштерн фактически отошел от дел, больше времени проводя в своем загородном имении, чем в Главной лаборатории. Что они знать не знали, чем он там занимается…

— Они действительно не знали, — кивнул Джай. — Над этим проектом он работал один, в тайне.

— Тем более. Знаешь, я думаю, они на тебя разозлились не столько потому, что ты убил их шефа, сколько потому, что уничтожил его лабораторию, со всеми его записями и образцами. И это они еще не знают, кого ты вытащил из башни.

Сэр Ланс кивнул в сторону двери с большим окошком, забранным решеткой, за которой была келья, используемая нуранитами в качестве карцера для провинившихся послушников.

— Я спас девочку-сироту, чью мать замучил Повелитель Зверей, а отец погиб в его башне, разве нет? — спросил Джай.

— Химеру, которую ее создатель планировал натравить на высших магов, потому что у него самого была кишка тонка с ними справиться, — поправил ученика сэр Ланс. — Шила в мешке не утаишь. Рано или поздно, все узнают, что она — не простой ребенок.

Они подошли к окошку и заглянули в келью. Там на узкой жесткой кровати спала светловолосая девочка лет восьми на вид. Словно почувствовав обращенное на нее внимание, она завозилась во сне, но не проснулась.

— Они ни при каких обстоятельствах не должны ее заполучить, — твердо произнес Джай.

— Значит и не получат, — кивнул сэр Ланс. — Но позволь спросить, зачем ты вообще ее вытащил? Она, если я правильно тебя понял, чуть тебя не убила. И вообще, едва ли можно найти существо более опасное. Почему ты не прикончил ее там, в башне?

— Не смог. Рука не поднялась. Из нее хотели сделать убийцу, но разве она в этом виновата?

— Пусть так, — подумав, огласился сэр Ланс. — Но что дальше?

— Я хотел поговорить с вами на ее счет, — сказал Джай, помедлив. — Я прошу оставить ее на воспитание при храме. Дорабатывая ее способность к перемене облика, Фунтуштерн намеренно сдерживал ее умственное развитие, он даже разговаривать ее не учил. Она сейчас только выглядит как

восьмилетний ребенок, но ее разум чист, как у младенца. Теперь больше некому будет колоть ей блокирующие развитие препараты, и она сможет учиться. Я хочу воспитать ее, хочу сделать из нее жрицу Нурана. Только представьте, какой истребитель чудовищ из нее может получиться!

— Это невозможно. Ты же знаешь — у Нурана могут быть только жрецы-рыцари, никаких жриц. Таковы правила, и не нам с тобой их нарушать.

— Если проблема только в этом, то пусть она станет рыцарем, — пожал плечами Джай. — Насколько я знаю, правил, запрещающих женщине становиться рыцарем Нурана, нет.

Сэр Ланс рассмеялся.

— Пусть даже так. Но все равно — скорее нет, чем да. Как бы соблазнительно не выглядел твой план обратить ее таланты на пользу людям. Ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Пусть живет у нас, я не против. Не убивать же ее теперь, раз ты ее пощадил. Но никаких тренировок. Не стоит испытывать судьбу, делая убийцу еще искуснее. Рыцарем ей не быть.

— Вы не понимаете, сэр. Стать рыцарем — единственный для нее шанс выжить.

— Не понимаю, — согласился сэр Ланс. — Объясни.

— Для того чтобы жить, ей требуется слишком много энергии, — ответил Джай. — Вы же видите, она почти постоянно спит. Ей нужен какой-нибудь мощный источник силы. Без дополнительной подпитки она впадет в кому и погибнет. Ее хозяин держал ее на ихоре. Ихора у нас нет, но у нас есть кое-что получше — божественная милость. Посвящение в рыцари позволит ей использовать силу Нурана. А обучение, какое проходят наши послушники, даст ей контроль над собственным телом. Я сам буду заниматься с ней, я сделаю все, чтобы из нее получился хороший рыцарь.

Сэр Ланс молчал целую минуту, разглядывая спящую девочку-химеру через прутья решетки. Джай не сводил взгляда со старшего рыцаря.

— Ты убежден, что это сработает? — наконец спросил сэр Ланс.

— Нет. Но я в этом уверен. Дайте ей шанс, сэр.

Сэр Ланс усмехнулся каламбуру своего ученика.

— Что тебе в этой химере? Ты так хочешь сделать из монстра охотника на чудовищ? — спросил он.

— Нет. Ее отец сделал из нее чудовище, а я хочу из чудовища сделать человека.

— Зачем? — Облик старого рыцаря вдруг неуловимо изменился, он словно стал чуточку выше, моложе и шире в

плечах, а радужки его голубых глаз вспыхнули серебром. Он повернул голову и посмотрел в темно-карие, почти черные глаза своего ученика.

— Чтобы самому остаться человеком, — ответил Джай, не отводя взгляда.

Девочка вдруг проснулась, потянулась и, позевывая, села на кровати.

notes

Примечания

1

У Луни может быть до трех старших жриц. У других Старших богов и богинь по одному старшему жрецу (или жрице).

2

Оруженосцем Нурана (то есть рыцарем, который носит его меч) является старший жрец. У Ариды — богини Войны, оруженосец и старший жрец (или жрица) — традиционно разные люди.

3

Изначально ихором алхимики называли кровь сверхъестественных существ: богов, титанов и высших демонов, приписывая ей многочисленные чудодейственные свойства. По вполне понятным причинам, такая кровь — исключительная редкость, так что все свойства, ей приписываемые недостоверны. В современной алхимической традиции ихором принято называть кровь драконов и высших магов. Ихор является мощнейшим природным энергетиком и алхимическим катализатором.